

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ КРОНШТАДТ В 1917 ГОДУ

КАНУН ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ

17 октября на заседании Кронштадтского Совета были выбраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов. Избранными оказались трое: я, анархист Ярчук и максималист Ривкин. Эти выборы превосходно определяли настроение Совета и Кронштадта. Близость переворота ощущалась всеми. Всем была ясна и несомненна в этом перевороте организующая роль партии большевиков, поэтому моя кандидатура, выдвинутая большевистской фракцией и Кронштадтским комитетом РСДРП(б), прошла почти единогласно. Ривкин получил крайне относительное большинство голосов. Третьим кандидатом был эсер. Этот кандидат еле-еле собрал голоса своей фракции. Анархо-синдикалист Ярчук получил значительно больше голосов, чем максималист. За него отдали свои голоса большевистская фракция, часть эсеров и максималистов.

Голосование нашей фракции за Ярчука определялось необходимостью иметь на съезде политически решительного человека, способного без колебаний идти за нами до конца. Ярчук был таким. Ни одному из эсеров и максималистов, рожденных из вчерашних обывателей, мы не доверяли. Да они и сами себе не доверяли. Несуразностью являлось на первый взгляд то обстоятельство, что под лозунгом «Власть Советам!», под лозунгом «За пролетарскую диктатуру!» прошел абсолютный противник всякой власти — анархо-синдикалист Ярчук. Он охотно принял мандат на съезд Советов, так как избрание было подкреплено точной, императивной резолюцией: «Съезд обязан отстранить правительство Керенского и взять власть в свои руки». Ярчук рассматривал захват власти в руки Советов как переходный момент к полному безвластию, к организации в ближайший последующий момент федерации рабочих синдикатов и крестьянских коммун. Это был, так сказать, анархический оппортунизм или, наоборот, оппортунистический анархизм, не раз «разоблачившийся» непримиримым Блейхманом. .

Для нас практического значения теоретические соображения Ярчука не имели, важнее было в решающий момент иметь человека без колебаний, и потому Ярчук оказался более приемлемым

для большевиков, нежели любой из эсеров и «максимальных обывателей», как мы в шутку прозвали максималистов.

22 октября, в День Петроградского Совета, мы с Ярчуком ранним утром отправились в Петроград на небольшом буксире. Съезд назначался к открытию 25-го, но нам нужно было запастись мандатами, а главное — узнать о питерской атмосфере, получить в ЦК и ПК информацию. Буксирик в Питере удержали, приказав ему быть наготове. Атмосфера в Питере накалялась. Контрреволюция пыталась в этот день устроить крестный ход и шествие инвалидов, спровоцировать рабочих и солдат на преждевременное выступление. Однако достигнуть этого буржуазной клике Временного правительства не удалось.

Обычный ход трамвая казался нам очень медленным. Нетерпение скорее услышать, узнать прямо физически жгло. От остановки в Смольный пустились бегом. Здесь при входе уже чувствовалась боевая атмосфера: в промежутках среди колонн стояли пулеметы, здание охраняли часовые, красногвардейцы и солдаты.

Первым из членов Военно-революционного комитета повстречался тов. Дацкевич — не то поручик, не то прапорщик из Петергофа, всегда добродушный и улыбчивый. Добродушие — великое дело, но, когда контрреволюция стала поднимать голову и готовить одну провокацию за другой, оно стало нестерпимым. Тут подошел тов. Чудновский, вернувшийся из эмиграции, на редкость хороший, кристально чистый человек. За короткое время мы успели с ним близко сойтись и подружиться. Сейчас он только что вернулся из армии и нашего революционного нетерпения отнюдь не разделял. Разгорелся жестокий спор — брать власть или выждать Учредительного собрания? Чудновский стоял за последнее, ссылаясь на солдатские настроения. Нам это казалось непростительным оппортунизмом, трусостью, политической близорукостью. Но Чудновский не был трусом и не страдал пороком близорукости, — это был исключительно смелый человек, что он показал в боях у Зимнего дворца и в гражданской войне. В наших настроениях лишь отражалась разница опыта. Тогдашний фронт еще не был Кронштадтом и заставлял в прогнозе событий быть осторожным. Отсюда и точка зрения Чудновского. Но тогда нам эта точка зрения казалась недопустимой...

В разгар спора в комнату вошел тов. Свердлов. Отозвав меня в сторону, он предложил мне немедленно вернуться в Кронштадт: «События назревают так быстро, что каждому надо быть на своем месте». В коротком распоряжении я остро почуял дисциплину наступающего восстания, и потому мне не понадобилось спрашивать мотивов и объяснений. Пожав руки товарищам и пригласив с собой Ярчука, я быстро вышел из Смольного.

На вопросы Ярчука: «В чем дело? Куда мы идем?» — коротко ответил: «Восстание на носу. Едем в Кронштадт!»

ПОДГОТОВКА ВЫСТУПЛЕНИЯ КРОНШТАДТЦЕВ И ПОХОД В ПЕТРОГРАД

Вернулись в Кронштадт поздно вечером. Днем 23 октября собрался пленум Кронштадтского Совета. По поручению исполкома я выступил с докладом о поездке в Петроград, в Смольный. В конце сообщения я заявил:

«Никакой резолюции, никакой декларации я вам не предлагаю и исполнительный комитет не предлагает. Исполком поручил мне только осведомить всех кронштадтских матросов, солдат и рабочих, что теперь приходится стоять не только на страже революции, не только зорко следить за всеми развивающимися событиями,— теперь надо быть готовым к работе, в любую минуту поехать туда, куда потребуются наши силы. Из стадии резолюций, из стадии слов мы перешли в стадию дела. Теперь слово за нашим военно-техническим органом, перед которым стоит ряд непосредственных задач. Он должен давать указания и приказания».

Вслед за мной в том же духе выступил Ярчук. Мне было задано много вопросов об отношении фронтовиков к Военно-революционному комитету при Петроградском Совете. Я охарактеризовал это отношение как отношение друзей, которые в минуту опасности являются поддержкой Военно-революционного комитета, как и наш революционный Кронштадт.

Кронштадтский Совет на этом заседании избрал 18 комиссаров в распоряжение военно-технической комиссии при исполкоме Совета. В своем заключительном слове мной было особо подчеркнуто то обстоятельство, что Временному правительству и эсеро-меньшевистским вождям не удалось и не удастся сорвать II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, что на 22 октября до 12 часов на съезд прибыло около 300 делегатов и из них две трети — большевики, а из эсеров преобладают левые эсеры, что большинство за лозунг «Вся власть Советам!».

После меня выступил представитель минного заградителя «Амур» тов. Красавин и заявил Кронштадтскому Совету: «Вы можете располагать «Амуром» по вашему усмотрению, когда потребуется, до вооруженной силы включительно».

На другой день, 24 октября, во второй половине дня была получена телефонограмма Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, предписывающая революционным силам Кронштадта выступить на защиту Всероссийского съезда Советов утром 25 октября 1917 года.

К вечеру меня вызвали на заседание исполнительного комитета Кронштадтского Совета. Когда я пришел в Морское собрание, исполком уже заседал. На заседании в полном составе присутство-

вала военно-техническая комиссия. Без лишних разговоров и споров, быстро и энергично выносились решения, распределялись функции между членами исполкома Совета и военно-технической комиссии. Для руководства сводным боевым отрядом кронштадтских моряков и всей операцией по переброске в Петроград многотысячного отряда матросов, солдат и красногвардейцев из Кронштадта по заливу, Морскому каналу и реке Неве был выделен штаб в составе Смирнова Петра (техник, большевик), Каллиса¹ и Гrimma².

В этот штаб вошел я, как представитель Кронштадта в Военно-революционном комитете при Петроградском Совете, и Ярчук — делегат II Всероссийского съезда Советов. Кроме того, были выделены семь комиссаров в сводный боевой отряд кронштадтцев для руководства подразделениями отряда.

Вся подготовка к выступлению в Питер проходила исключительно ночью. Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза... Морское собрание переполнено матросами, солдатами и рабочими. У всех боевой вид, полная готовность к походу. Приходят за распоряжениями, выносят приказы. Революционный штаб точно намечает план операции, определяет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения. Ночь проходит в напряженной обстановке. К выступлению намечены суда: минный заградитель «Амур», только что прибывший в Кронштадт из действующего флота, участник Моонзундского сражения 29 сентября — 7 октября 1917 года, старый линейный корабль «Заря свободы» (бывший «Александр II»), посыльное судно «Ястреб», госпитальное судно «Зарница», учебное судно «Верный», заградитель «Хопер» и ряд других.

«Амур», «Хопер», «Зарница», «Ястреб», «Верный», кронштадтские пароходы и буксиры были предназначены для переброски сводного боевого кронштадтского отряда в Петроград, а «Заря свободы» — для артиллерийского обеспечения подходов к Петрограду со стороны Балтийской железной дороги (Лигово — Стрельна) и занятия корабельным десантом станции Лигово. Стоянка корабля намечена была у входа в Морской канал (пикет № 114).

Когда план выступления был готов и важнейшие приказы отданы, мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды бойцов, серьезные, решительные лица. Ни смеха, ни говора — четкий шаг, редкие слова команды. Тишину ночи нарушает лишь громыхание

¹ Прaporщик, левый эсер, впоследствии коммунист, павший смертью храбрых за Советскую Родину в 1918 г. *Прим. автора.*

² Солдат-максималист, впоследствии перешедший в лагерь врагов Советской власти, расстрелянный в 1919 г. за участие в контрреволюционном мятеже на форту Красная Горка. *Прим. автора.*

грузовиков, перевозящих на суда запасы из интендантских складов крепости. В гавани идет тоже молчаливая, напряженная и спешная погрузка. Отряды подошли к набережной и терпеливо ждут посадки.

Невольно думалось: «Неужели это последние минуты перед величайшим в мире революционным переворотом? Все так просто и четко, как перед любым военно-боевым выступлением, так неподхоже на все известные в истории картины революции».

«Эта революция пойдет по-настоящему», — говорит мой спутник. Оборачиваюсь к нему. При блеклом свете фонаря не лицо, а будто мертвенная, загадочная маска. Только в серых спокойных глазах поблескивают искорки. Я вижу его словно впервые, знаю о нем, что он из чужой, враждебной партии, но сейчас питаю к нему безграничное доверие и странное уважение. Сам дивлюсь своим чувствам. Должно быть, это особая революционная интуиция, раскрывающая в решительные моменты людей прежде незнакомых. И революционная интуиция в отношении тов. Каллиса не подвела. Пару слов скажу об этом позднее трагически погибшем революционере.

Безграницная смелость, решительность, спокойствие и беспощадность к врагам революции — вот его черты. Наш Долохов — Долохов в революции — таков был Каллис. С той лишь разницей, что толстовский Долохов — авантюрист по преимуществу, а основные качества Каллиса спружинились вокруг поглощающей, безграничной преданности революции и рабочему классу. С той минуты, как все больше обнаруживались колебания и половинчатость левых эсеров, он отходил от эсеровской партии и к октябрю, без формального разрыва с прошлым, вошел в наши ряды. В революционном штабе его резкие, короткие замечания решали дело, в самой рискованной операции он шел впереди, и на него безусловно можно было положиться там, где требовалась крайняя решительность. Так было в Октябрьские дни, так было в походе против Каледина, когда он руководил кронштадтскими бойцами.

«Революция пойдет по-настоящему» — в этих словах был весь Каллис. В рассчитанном плане, в суровом напряжении, в четком исполнении, в отсутствии безалаберности, в беспрекословной дисциплине он чувствовал настоящую, новую, массовую революцию и предвидел ее успех.

Брезжило пасмурное осенне утро, когда началась посадка. В черных бушлатах, с винтовками за плечами и патронными сумками у пояса моряки с привычной быстротой и ловкостью взлетали по трапу на корабль. Медленно поднимались солдаты гарнизона и красногвардейцы. Часам к девяти посадка была закончена. Революционный штаб поместился на «Амуре», в каюте судового комитета. «Амур» шел головным. Комиссаром «Зари свободы» на заседании исполкома Совета избрали тов. Колбина, большевика-матроса. Он должен был руководить боевыми действиями корабля.

Просигнали сирены, и матросы тесно сгрудились на верхней и средней палубах. Мне и Ярчуку надо было сказать слова революционного напутствия. Не знаю, что испытывал Ярчук. Но когда передо мной встали сотни сосредоточенных лиц, когда я увидел эту массу глаз, на меня устремленных, я почувствовал небывалый, восторженный трепет. Он пронизал насквозь все тело, первые секунды сжал горло. Я, как никогда, реально осознал нити, связующие меня с этой массой лиц и глаз. Хотелось не говорить, а броситься и обнять эту многолицую силу proletарской революции, великой мечты, готовой вот-вот стать действительностью. С большим трудом я мог вымолвить несколько слов: «Товарищи, наступают исключительные события в истории нашей страны и всего мира. Мы идем творить социальную революцию. Мы идем оружием сбросить власть капитала. Это нам на долю выпало величайшее, неизбывное счастье — осуществить страстные мечты угнетенных...»

Прошло много лет, а картина этого митинга, последних минут перед выступлением так и стоит перед глазами, и едва ли кто из участников ее забудет. Ни рукоплесканий, ни криков и возгласов, — сжимают в крепких объятиях, целуют, тискают руки, на энергичных, обветренных лицах слезы и сияние глаз...

Другое собрание. В каютах компаний господа офицеры. Здесь настроение иное — тревога, озабоченность, недоумение. При моем появлении и обычном приветствии все встали. Стоя выслушали короткое объяснение и... приказ: «Мы идем с оружием в руках свергнуть Временное правительство. Власть переходит к Советам. На ваше сочувствие мы не рассчитываем, и оно нам не нужно; но мы требуем, чтобы вы были на своих местах, точно исполняли свои обязанности по кораблю и наши приказы. От лишних испытаний мы вас избавим». Вот и все. В ответ прозвучало короткое морское «есть» командира судна, и сейчас же офицеры разошлись по местам и своим каютам. Командир вышел на мостик.

Медленно тронулся «Амур» с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч, жались, громоздились, где могли, и не двигались, — для ходьбы не было места. В каюте судового комитета, где разместился штаб, тоже теснота и давка. В уголке прикорнул Блейхман, растерянный, забытый и никому не нужный с его анархизмом. Он сам чувствовал свою ненужность, и вся фигура его говорила о какой-то робости, словно просила, чтобы его, «пожалуйста», не трогали. Через несколько дней он снова будет «призывать», а теперь... теперь Блейхман немножко жалок, как и его призывы. Не символ ли это анархизма, с бурливой словесностью и никчемностью в революции?

Идем по узкому каналу, в кильватере — «Ястреб» и другие суда. Невольно думаешь: а что, если правительство предусмотрительно поставило здесь пару мин и расставило десятки пулеметов

за прикрытиями на берегу; так ведь это просто и так легко разгромить наше предприятие. Но правительству не до того. Вот и Нева. Фабричные трубы, суда — все спокойно, без признаков грядущей социальной боевой грозы.

Мы решаем вопрос, где встать для высадки десанта. Вдруг слышим ликующее могучее «ура». Выскакиваем на палубу. Посреди Невы развернулся наш крейсер «Аврора». Гремят приветственные крики, радость, оживление ключом забили на палубе. «Какая жалость, что мы забыли оркестр!» Ничего, скоро будет другая музыка!

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 231—238